

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

syrsa@yandex.ru

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ СЕРЕДИНЫ XX ВЕКА КАК КОММУНИКАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО В КНИГЕ И. П. ЛУПАНОВОЙ «МИНУВШЕЕ ПРОХОДИТ ПРЕДО МНОЮ»

А н н о т а ц и я . Университет развивается в потоке социальных взаимодействий, и его успех тесно связан с коммуникативной культурой корпорации. Филолог И. П. Лупанова (1921–2003), один из наиболее авторитетных профессоров Петрозаводского государственного университета в 1950–1970-е годы, охарактеризовала различные коммуникативные практики в университетском коллективе в автобиографической книге, написанной в последние годы жизни. Книга включает воспоминания, дневник, выдержки из писем, что способствует раскрытию индивидуального видения автора, смене ракурсов рассмотрения проблем. Анализ материалов книги Лупановой, освещающих университетские коммуникации, представлен в данной статье. При изучении источника применялись историко-критический, конкретно-проблемный методы, герменевтический подход. В книге Лупановой подчеркнута решающая роль в университете взаимодействия учителя и ученика. Известные ученые М. К. Азадовский и В. Я. Пропп, под руководством которых она обучалась в Ленинградском университете, предстают прежде всего как талантливые педагоги. Мемуарист высоко оценивает их суровую требовательность и отеческую заботу в отношении к студентам, в умении сочетать эти качества видит основу педагогического искусства. Работая в Петрозаводском университете, она стремилась следовать педагогическим принципам своих учителей. В воспоминаниях показано, что кампания «борьбы с космополитизмом» тяжело сказалась не только на судьбах гонимых, но и на жизни их учеников, терзавшихся от бессилия и вины. Осмысление случившегося постепенно формировало у автора книги неприятие репрессивных методов, внутреннюю независимость. Лупанова очертила возможности коллегиальных органов университета по обеспечению поддержки и профессионального роста преподавателей в 1950–1970-е годы. Автор показала, что и в брежневское время кадровая политика в вузе оставалась под жестким контролем правящей партии, через администрацию и партийные организации факультетов пресекались инакомыслие, нежелательные контакты, отслеживался социально-демографический состав сотрудников.

К л ю ч е в ы е с л о в а : коммуникация, филологический факультет Ленинградского университета, историко-филологический факультет Петрозаводского университета, кафедра литературы, защита диссертации, М. К. Азадовский, В. Я. Пропп, Е. М. Неёлов

Д л я ц и т и р о в а н и я : Филимончик С. Н. Российский университет середины XX века как коммуникационное пространство в книге И. П. Лупановой «Минувшее проходит предо мною» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 5. С. 54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.788

ВВЕДЕНИЕ

Фольклорист и литературовед Ирина Петровна Лупанова (1921–2003) в 1940–1947 годах училась на филологическом факультете Ленинградского университета, в 1950 году окончила при нем аспирантуру, в 1951–1979 годах преподавала на историко-филологическом факультете Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) (до 1956 года – Карело-Финский государственный университет). Многолетняя науч-

ная работа И. П. Лупановой плодотворна. На основе сопоставления литературных памятников с их фольклорными прототипами она впервые всесторонне рассмотрела влияние народной сказки на творчество русских писателей первой половины XIX века. И. П. Лупанова стала первопроходцем в научном изучении советской детской литературы, создателем в ПетрГУ научной школы исследований детской литературы [3], [5]. При этом она не замыкалась в рамках академиз-

ма. Критическое мышление, чувство «почвы», «корней», лежащее в основе ее мироощущения, легкое перо не могли не подтолкнуть к работе над мемуарами. Первыми были подготовлены воспоминания об учителях – профессорах Ленинградского университета. В начале 1980-х годов написаны воспоминания о Марке Константиновиче Азадовском (изданы в 1996 году)¹. В 1995 году опубликованы воспоминания о Владимире Яковлевиче Проппе².

Во второй половине 1990-х годов, когда уже ушли из жизни многие близкие люди и канула в Лету «странная, полная неслыханных парадоксов»³ советская эпоха, работа над книгой о пережитом стала систематической. При жизни автора был опубликован важный сюжет об издании книги «Полвека»⁴. 25 октября 1999 года Лупанова написала в дневнике о разговоре с навестившими ее учениками:

«Подробно объяснила всем, как следует меня хоронить, какой крест ставить и где искать рукопись, в которой я вот уже несколько лет пытаюсь запечатлеть прожитое время – от 20-х годов и до сегодня»⁵.

Вскоре после ухода учителя ученики Лупановой подготовили машинописный текст к публикации. Композиция рукописи включала элементы разных жанров. Первая часть представляла собой последовательный рассказ о детстве, школьных годах, учебе в университете. В ней автор, представитель первого советского поколения, стремилась передать мироощущение подростка довоенной эпохи. Ярko описана студенческая жизнь в военное время, прослежен путь начинающего исследователя в большую науку. Во второй части приводятся выдержки из писем Владимира Яковлевича Проппа и Григория Абрамовича Бялого за 1951–1986 годы, даны комментарии к ним. Поскольку в переписке с учителями вряд ли затрагивались рутинные темы и выдержки из писем отбирала автор, в тексте концентрировалось внимание вокруг неких «проблемных узлов». Во второй части показана служебная деятельность преподавателей вуза, повседневная жизнь научной интеллигенции во время «оттепели» и в брежневскую эпоху. Третья часть текста – это личный дневник автора за ноябрь 1987 – январь 2003 года. В нем много комментариев на злобу дня, зафиксировано мировосприятие человека на сломе эпох. За внешней простотой слога приоткрываются внутренний мир пожилой женщины, ее экзистенциальные размышления. Такая сложная структура обусловлена личными обстоятельствами: автор работала, преодолевая болезнь, стремилась реализовать задуманное за корот-

кий срок. В то же время органичное включение в книгу разных групп источников личного происхождения отражает тенденцию автобиографических текстов новейшего времени к углубленному самоанализу, раскрытию индивидуальности автора, повышению активности адресата [7]. В 2007 году первые части рукописи были изданы тиражом 300 экземпляров на средства Петрозаводского университета. Название книги предложила доктор филологических наук Софья Михайловна Лойтер. Дневник был передан в Национальный архив Республики Карелия (НАРК) и хранится в составе личного фонда П. А. Лупанова, А. Г. Бонч-Осмоловской, И. П. Лупановой, Е. М. Эпштейна (Ф. 3727).

Книга И. П. Лупановой уже привлекалась автором данной статьи для характеристики культуры Карелии 1930-х годов, работы Ленинградского и Карело-Финского университетов в условиях Великой Отечественной войны и послевоенного времени [8], [9], [10]. В данном исследовании впервые проанализирован материал книги о разных гранях коммуникаций внутри университетской корпорации. В истории науки в последние годы сместился акцент с характеристики продуктов научного труда к анализу процесса деятельности по его добыванию, распространению, внедрению, что осуществляется в ходе коммуникации. Этот процесс тесно связан с меняющейся социальной реальностью и является коллективным по своей природе. Начиная с 1960-х годов ведется активное изучение структуры и функций научных коллективов (Р. Мертон, Т. Кун и др.) [1]. В университетах одной из актуальных проблем остается поиск оптимальной модели организации педагогического процесса, адаптированной к стремительно меняющимся социальным и технологическим условиям. Накопление, передача, освоение знаний тесно связаны с принятой в вузе коммуникативной культурой.

Осмысление профессионального опыта ведущих профессоров видится неотъемлемой частью интеллектуальной жизни современного вуза. Воспоминания, дневники, переписка помогают выявлять намерения, мотивации, систему ценностей, они важны для исследования самосознания, профессиональной идентичности членов университетского сообщества, характеристики корпоративной культуры. В данной статье сделана попытка охарактеризовать взгляды профессора И. П. Лупановой на то, как выстраиваются в университетском коллективе коммуникации между учителем и учениками, между коллегами, между преподавателями и администрацией, какие факторы влияют на эти коммуникации. В центре

внимания будут отношения учитель – ученик, поскольку, несмотря на цифровизацию и дистант, знания по-прежнему передаются «из рук в руки».

Помимо опубликованного текста привлечен хранящийся в НАРК дневник И. П. Лупановой, в котором большое внимание уделено коммуникации с учениками в 1990-е – начале 2000-х годов: фиксируются встречи, телефонные разговоры, научные достижения учеников, их большая помощь в житейских делах и поддержка во время скорби или болезни. Если в начале дневника автор, словно стесняясь сантиментов, называет своих бывших аспирантов иронично – «выкормыши», то в последние годы, рассказывая о них, использует словосочетания «мои ребята», «моя Лариса» и т. д. В самой последней записи дневника за 8 января 2003 года читаем: «Все-таки замечательных ребятшек я вырастила!»⁶ Используются хранящиеся в НАРК письма к Лупановой из Иркутска ее учителя профессора М. К. Азадовского за 1942–1943 годы и письма ее ученика Евгения Михайловича Неёлова 1975–1979 годов из Семипалатинска, где он в то время работал. Привлечены письма, в которых содержатся размышления о том, как складываются отношения в научном коллективе, каковы стратегии поведения в конфликтной ситуации. Поскольку Ирина Петровна заведовала кафедрой литературы, избиралась членом Совета историко-филологического факультета, для характеристики ее работы как заведующего кафедрой, позиции по важным вопросам жизни факультета использованы протоколы Совета историко-филологического факультета, протоколы заседаний кафедры литературы Петрозаводского университета за 1950–1960-е годы (Ф. 1178). К сожалению, документы ПетрГУ за 1970-е годы пока не переданы на хранение в НАРК, а доступ к ним в ведомственном архиве ограничен. В ходе исследования применялись историко-критический, конкретно-проблемный методы, герменевтический подход.

Интерес к науке у Лупановой формировался во время учебы на филологическом факультете Ленинградского университета под влиянием заведующего кафедрой фольклора Марка Константиновича Азадовского. Первокурсницу покорила не только его увлеченность народной культурой. Готовя свой первый доклад, она изучила статью руководителя семинара, но не во всем согласилась с его выводами. К дерзкой попытке первокурсницы спорить с ним, известным ученым, Азадовский отнесся уважительно, подарил свою книгу с дарственной надписью. Студенты

уже готовились к летней фольклорной практике, когда началась война.

Осенью 1941 года семья Лупановых эвакуировалась в Коми АССР. На семейном совете решили, что, пока идет война, Ирина будет учиться в Карело-Финском государственном университете (КФГУ), находившемся в Сыктывкаре в эвакуации. Летом 1942 года, несмотря на суровое военное время, КФГУ организовал фольклорную экспедицию под руководством Василия Григорьевича Базанова и Ивана Афанасьевича Василенко. В воспоминаниях этой студенческой экспедиции отведено большое внимание. Мемуаристу важнее всего было рассказать о людях, с которыми ее свели экспедиционные дороги. При переправе через штормящую Печору студентка смогла организовать слаженную работу растерявшихся спутников. Когда карбас причалил к берегу, дед-рулевой, всю дорогу хранивший молчание, сказал: «Ну, Иринушка, с тобой не пропадешь». Автор называет этот комплимент самой высокой похвалой в жизни⁷. Фольклорный материал описан в воспоминаниях кратко. Студенты работали в селе, сохранившем нравы и традиции предков-новгородцев, отрезанном от мира, поэтому там исполнялись не только песни, сказки, но и былины: «Здесь можно было исписать не те жалкие пять тетрадок, которые нам выдали в Усть-Цильме, а в десять раз больше»⁸.

Рассказ мемуариста о работе начинающих фольклористов дополняют эпистолярные источники. В 1942 году фольклорная экспедиция стала центральной темой переписки Лупановой с Азадовским, который считал экспедицию на Печору большой удачей: «Вы в самом начале своей работы получили чудесный материал». В то же время он предостерегал: «Можно ведь очень быстро “состряпать” сборник печорских сказок. Думаю, что и Вы, и Ваш материал стоит большего». Под «большим» профессор понимал новый теоретический материал, который обогатил бы понимание сказки⁹. Научные итоги экспедиции подводили в острых спорах. В воспоминаниях Лупановой отмечено, что не все преподаватели в Сыктывкаре были для нее авторитетны, и на нее жаловались за «некорректное поведение»¹⁰. Когда руководитель экспедиции критически высказался о работах Азадовского, девушка бросилась горячо защищать учителя. Однако Азадовский не поддержал ее пыл, отметив, что научная истина куда важнее личных амбиций:

«Прежде всего, Вы не правы в таком резком отрицании его права на критику моих работ и несогласие со мной. Почему же нет? Наука только так и создается – она создается путем борьбы и столкновений мыслей,

путем полемики. Однако должно и нужно всегда желать и требовать, чтобы критика была добросовестной, честной и обоснованной. У меня нет никаких оснований думать, что В. Г. Базанов пошел против этих требований. Будет интересно как-нибудь прочитать его соображения по поводу моих работ или даже моих ошибок»¹¹.

За полтора года учебы в Сыктывкаре Ирина успела сдать экзамены за три курса: поскольку второкурсников в вузе не оказалось, ее зачислили сразу на третий курс, «соответствующие экзамены приходилось сдавать чуть ли не каждый месяц»¹². Азадовский был огорчен таким «галопом». Он писал, что, если плохо учат в вузе, нужно больше работать самостоятельно: «Читать, читать, читать!»¹³ В 1943 году Лупанова уехала в Саратов, где находился в эвакуации Ленинградский университет, и восстановилась на втором курсе филологического факультета: «Я была счастлива, что опять учусь в родном университете у филфаковских профессоров»¹⁴.

Когда студенты и преподаватели вернулись в освобожденный Ленинград, возобновилась работа спецсеминара по фольклору. Он объединял учеников разного возраста, начиная от первого курса и кончая последним годом аспирантуры. Мемуарист считает это педагогически продуманным. Младшие сразу же попадали в научную среду, что заставляло их заниматься в полную силу. Старшие чувствовали ответственность за начинающих, привыкали уважительно относиться к чужому незнанию. Семинар описан в воспоминаниях Лупановой как «фольклористическое братство». Между профессором и студентами установились очень доверительные отношения. Ученики пользовались уникальными изданиями профессорской библиотеки, часто гостили в его доме: «Наш учитель ценил взаимопонимание, не терпел конфликтных ситуаций»¹⁵. При этом Азадовский оставался требовательным, порой даже казалось, что безжалостным, скупым на похвалы руководителем: «Мы знали: ругает – значит, верит, что могли сделать лучше, значит, прыгнули ниже своих возможностей»¹⁶. Лупанова пишет:

«В моем характере никогда не было жесткости как таковой. Но халтуру в области науки я не терпела жаростно. Университетские учителя воспитали меня в трепетном уважении к ней, это сидело во мне нерушимо»¹⁷.

Под руководством Азадовского Лупанова начала учебу в аспирантуре. Шел второй год учебы, когда в разгар «борьбы с космополитизмом» на филологическом факультете ЛГУ началась «жуткая, беспощадная гроза»¹⁸. 4 апреля 1949 года в актовом зале главного корпуса со-

стоялось заседание Ученого совета филологического факультета. Перед собранием сталинскую стипендиатку, члена ВКП(б) Лупанову вызвали в партбюро, где секретарь просил выступить с обличением Азадовского: «Я, разумеется, отказалась, наивно попытавшись втолковать собеседнику всю нелепость обвинения моего учителя в “низкопоклонстве”»¹⁹. В тот же вечер она написала письмо матери, предупредив, что ее, скорее всего, выгонят из аспирантуры. Мама ответила: «Ну и пусть выгоняют, нельзя предавать учителей»²⁰. Далее мемуарист пишет: «Однако этим поступком мое мужество оказалось исчерпано. На грозном судилище, где затаптывали в грязь наших учителей, я, как и другие, сидела тише мыши»²¹. Азадовский был изгнан из университета, кафедра фольклора закрыта.

«Гроза» 1949 года стала для Лупановой потрясением: «После гражданской казни М. К. я оказалась совершенно выбитой из колеи. Все было немило»²². Душу жгли и глубокая обида за ученого, и сознание своей трусости, и безысходность от несправедливости и лицемерия общественной жизни. Пройдут годы, но боль останется. Спустя почти полвека в дневнике Лупанова опишет сны, в которых эта боль найдет выход:

«В большой библиотеке вроде Публички. Вижу М. К., валяются книги, загромождают дорогу. Расчищаю путь, снова его загромождают книги. М. К. тоже меня заметил и двинулся было навстречу, но потом безнадежно машет рукой и... уходит. А я просыпаюсь» (запись от 22 ноября 1995 года). «Второй раз в жизни видела во сне Марка Константиновича Азадовского. Будто собрал нас, своих учеников, на традиционный ужин. А квартира совсем другая. М. К. очень мил со мною, но меня все время не покидает чувство неловкости, все кажется, что я в чем-то перед ним виновата. Проснулась – а возникшее во сне чувство вины не отступает. Потом поняла. Это оттого, что после изгнания М. К. из университета я почти не посещала его дом» (запись от 31 августа 2000 года)²³.

После увольнения Азадовского руководство аспирантами передали Владимиру Яковлевичу Проппу. С ним Ирина Петровна познакомилась в 1943 году в Саратове, когда по совету стала заниматься в его семинаре. Работали в нем аспиранты-этнографы, и второкурсница Лупанова, в семинаре единственная студентка, понятно, робела. Работа семинара строилась на изучении «крамольной» книги В. Я. Проппа «Морфология сказки». В 1930-е годы монографию объявили антинаучной, однако чрезвычайные условия учебы в военное время ослабили идеологический контроль, благодаря чему опальное сочинение вернулось в университетскую среду. Единственный доступный экземпляр книги студенты пере-

писали от руки, выучили чуть ли не наизусть. Свое отношение к Проппу в тот год Лупанова характеризует как «коленипреклоненное»²⁴.

В 1947 году Пропп выступил оппонентом на защите дипломного сочинения Лупановой «Сказка-анекдот в русском фольклоре». В это время он писал книгу о комическом, имел свою концепцию анекдота, так что выступление на защите начал без раскочки: «Работа превосходная. Но ни с одним ее положением я не согласен». Со студенткой ученый спорил на равных, что будет оценено со временем, а в те минуты дипломнице пришлось, «выйдя из полуобморочного состояния», изо всех сил бороться за свою жизнь в науке²⁵.

Поскольку после событий 1949 года исследовательская работа застопорилась, перед новым руководителем Лупанова предстала, не имея ни строчки текста, смогла назвать только тему диссертации. Пропп был отменно суров: «Через месяц принесете первую главу, иначе придется расстаться»²⁶. Через год диссертация была не только написана, но и успешно защищена. Заведующий аспирантурой заметил тогда, что на факультете это первый случай защиты кандидатской диссертации в срок, и о Лупановой будут ходить легенды.

В январе 1961 года Пропп выступит официальным оппонентом на защите докторской диссертации Лупановой²⁷. К ней будут приходить в аспирантуру ученики Проппа по его рекомендации. Неоценимой станет моральная поддержка Проппа во время предвзятой, но шумной критики монографии Лупановой «Полвека». Мемуарист отмечает:

«Оценка книги моим не склонным к комплиентам, строгим, даже жестким учителем явится для меня в недалеком будущем мощным заслоном на пути к малодушной утрате веры в себя, в свои силы, свои возможности»²⁸.

После защиты диссертации началось «открытие» Проппа не только как ученого, но и как человека. Они переписывались, Пропп приезжал в Петрозаводск и на дачу в Косалму погостить, Лупанова участвовала в праздновании юбилеев учителя. В воспоминаниях отмечается:

«После мамы он был единственным человеком, которому я могла поведать о себе самое сокровенное. Не случайно он написал мне однажды, что знает обо мне «больше, чем о собственных дочерях»»²⁹.

После смерти Владимира Яковлевича Лупанова сохранила близкие, доверительные отношения с вдовой Елизаветой Яковлевной («Надеюсь, хоть немножко сумела поддержать ее в скорби и расстройности»³⁰), с другими членами семьи.

Ленинградцы всегда были желанными гостями в гостеприимном доме Лупановой. Много лет она поддерживала сердечные, дружеские отношения с профессором Григорием Абрамовичем Бялым. Летом 1957 года Бялый и его жена Ирина гостили в Косалме, где были цветущий сад, катанье на лодке, а главное – доверительное общение. В воспоминаниях переданы настроения интеллигенции после XX съезда. Тогда много говорили о развернувшейся реабилитации политзаключенных, и самый запоминающийся рассказ (байку) Бялого мемуарист включила в книгу. Эта полумифическая история была посвящена пушкинисту Юлиану Григорьевичу Оксману, который 10 лет провел в ГУЛАГе. В начале войны их лагерь эвакуировали, в дороге заболевшего Оксмана сняли с поезда, отправили в больницу, а там, сочтя усопшим, поместили в морг, где во время обхода больницы его случайно заметил главврач, и это спасло Оксману жизнь. На допросе следователь решил помочь ученому:

«Кстати, за что вас посадили? – Да ни за что, – воскликнул Оксман. – Вот и прекрасно! – обрадовался следователь. Как раз нужная статья – недоверие к действиям советской власти. И срок подходящий: всего пять лет, потом на поселение»³¹.

Этот рассказ мог особо запомниться мемуаристу еще и потому, что когда эпоха «оттепели» завершалась, о судьбе Оксмана вновь тревожились в частных разговорах. В 1964 году он был исключен из Союза писателей, уволен из Института мировой литературы, было запрещено упоминать его имя даже в ссылках на литературу [11: 169].

Педагогическую работу со студентами Лупанова осветила бегло, основное внимание уделила аспирантам. Учениками И. П. Лупановой стали известные в Карелии филологи: доктора наук Юрий Иванович Дюжев, Неонила Артемовна Криничная, Софья Михайловна Лойтер, Елена Ивановна Маркова, Евгений Михайлович Неёлов, кандидаты наук Лариса Николаевна Колесова, Галина Анатольевна Комлева, Владимир Александрович Рогачев, Татьяна Ивановна Сенькина, Нина Николаевна Шабалина и др.

Отношения с учениками Лупанова строила так, как это делал ее учитель Азадовский. С. М. Лойтер вспоминает, что в течение многих лет часто бывала в доме учителя, пользовалась ее библиотекой, получала в подарок книги [4: 29]. Л. Н. Колесова рассказывала, как встретила Ирину Петровну перед командировкой в Москву. «В чем поедете?» – стала расспрашивать научный руководитель аспирантку. «В ботах», – нерешительно отвечала девушка. На следующий день

в редакцию университетской газеты, где работала Лариса Николаевна, принесли пакет: «Ирина Петровна передала». В пакете оказались новенькие белые «румынки», входившие тогда в моду³². Е. И. Маркова вспоминает, что все ученики Ирины Петровны восприняли разгромную статью о книге «Полвека» как глубоко личную обиду, но учитель категорически запретила им публично выступить: ««Скажут, Лупанова инспирировала своих учеников»... Подчинились, но на душе скребли кошки» [6: 147].

Е. М. Неёлов под руководством Лупановой защитил диплом о творчестве А. Р. Беляева, кандидатскую диссертацию «Проблемы научной фантастики в современной советской детской литературе»³³. Когда он уехал на работу в Семипалатинск, сохранил тесную связь с учителем благодаря письмам, которые называл «отчетами о Семипалатинской жизни». На доверительный характер переписки указывали веселые зарисовки о дочках Маше и Ане, а центральными темами стали фольклористика и кафедральная жизнь. В письмах Неёлов благодарил за советы и добрые слова: «Они прояснили мои смутные ощущения и укрепили в решении не попадаться на удочки»³⁴. Делился с учителем мыслями, волновавшими в процессе работы над новыми статьями. Не раз сетовал на вузовскую бюрократию, бесконечные проверки кафедры по принципу «есть ли та или иная бумага»³⁵. Характерно, что в конце 1970-х годов кафедральный климат в Петрозаводском и Семипалатинском вузах оказался схожим, и выход лично для себя корреспонденты, разделенные тысячами километров, видели одинаковый. 16 февраля 1979 года Неёлов с горечью пишет:

«Здесьняя ситуация очень похожа на ту, о которой Вы написали... Сейчас кафедра в состоянии холодной и горячей войны. Изменить что-то здесь невозможно и вывод ясен – надо уходить»³⁶.

С 1980 года Неёлов читал курс фольклора в Петрозаводском университете. 28 ноября 1988 года Лупанова записывает в дневнике: «Женя Неёлов благополучно защитил докторскую! Рада за него безмерно: и ученый талантливый, и человек хороший»³⁷. 30 ноября 1994 года, рассказав о домашней встрече с учеником, Лупанова отмечает: «Он ведь мой “наследник” – читает те же курсы. И после моей смерти оставляю ему все, что есть у меня по части фольклора»³⁸.

С учетом профессиональной специфики большое место в воспоминаниях занимает тема защиты диссертаций. Мемуарист подробно описывает свою защиту кандидатской диссертации, но совсем не останавливается на защите док-

торской диссертации. В последнем случае все шло гладко, а на этапе кандидатской диссертации у Лупановой оказались влиятельные противники. Объявление о ее защите дважды снималось со стенда. Руководитель не мог быть надежным тылом, так как сам ходил в «обличаемых», и на защите Пропп не присутствовал. Помогла поддержка оппонента профессора Михаила Осиповича Скрипиля: «М. О. произнес в мой адрес настоящий панегирик и вообще вел себя так, будто выдавал замуж родную дочь»³⁹. Тем не менее утверждение диссертации было задержано в связи с поступившей в ВАК отрицательной рецензией. Мемуарист объясняет ее тем, что «рецензент явно имел зуб на моего учителя»⁴⁰. Воспитанная на постулате «ругает – значит, верит, что могли сделать лучше», она должна была принять новую реальность. Отрицательная рецензия как следствие личной неприязни могла стать инструментом расправы, а потому следовало проявить волю и бороться за себя.

Наиболее ярко «человеческий фактор» в ходе диссертационной эпопеи рассмотрен мемуаристом в следующем эпизоде. В декабре 1975 года Лупанова должна была выступить оппонентом на защите диссертации, выполненной под руководством доцента кафедры литературы Московского института культуры Ирины Сергеевны Чернявской. Диссертация была прочитана, отзыв написан, но тяжело заболела Александра Георгиевна, и уехать в Москву Лупанова не могла. Стало ясно, что защита сорвется:

«Учитывая последствия моего отказа, я ожидала чего угодно: уговоров, просьб, даже слезных молений. Но Ирина Сергеевна, выслушав мое телефонное сообщение, сказала: “Лечите маму и ни о чем не думайте. Здоровье близкого человека дороже всего, я Вас отлично понимаю, какие могут быть обиды!”»⁴¹.

С этого случая началась их дружба.

Вскоре после поступления на работу в Петрозаводский университет Лупанова была назначена заведующим кафедрой литературы. Министерство в начале 1950-х годов требовало рассматривать теорию литературы в свете трудов И. В. Сталина⁴², после XX съезда переработать курс истории советской литературы, а по итогам встреч Н. С. Хрущева с интеллигенцией в конце 1950-х годов усилить идеологическую работу с молодежью. Остро стоял вопрос о разработке курса по литературе Карелии⁴³. Думается, справляясь с административной работой, тяги к которой Ирина Петровна не испытывала, ей помогала энергия молодости и организаторские способности, которые заметил еще в 1942 году рулевой на Печоре.

Одной из задач руководителя кафедры являлось обеспечение конструктивной коммуникации. Мемуарист не скрывает сложностей в налаживании позитивного взаимодействия в вузовском коллективе. Язвительно описан натиск коллеги, славившегося «умением говорить вдохновенно», прикрывающего профессиональную несостоятельность сбором компромата на коллег, услужливостью начальству. На заседаниях кафедры он обрушивал на всех поток обвинений, завершавшийся призывом: «Хватить болтать, давайте работать!»⁴⁴ Из-за поведения одного сотрудника росло напряжение, снижалась эффективность коллективной работы. Когда закончился пятилетний срок его работы на кафедре, – отмечает мемуарист, – «мы все очень дружно предложили ему “расстаться по-хорошему”, заверив, что характеристики для прохождения по конкурсу он от нас не получит»⁴⁵. Мемуарист признает, что конкурсное избрание на должность служило поддержанию профессионального уровня вузовского сообщества. Процедура конкурсного отбора была разработана так, чтобы обеспечить беспристрастность в оценке деловых качеств претендентов. На заседании кафедры заслушивался отчет преподавателя, и кафедра давала (или не давала) рекомендацию к избранию. Совет факультета создавал конкурсную комиссию, которая выносила мотивированное заключение. Решающая роль в избрании отводилась коллегиальному органу – Совету факультета. Обсуждение, как правило, проводилось тщательно, явная предвзятость и мелочные придирки отсекались⁴⁶. В то же время большое значение для исхода голосования имела позиция администрации вуза, вследствие чего, как отмечено в воспоминаниях, процедура конкурса могла быть использована для изгнания неудобного начальству преподавателя. В 1959 году мужа Лупановой доцента Евгения Михайловича Эпштейна «прокатили» на очередном конкурсе. А он был одним из ярких лекторов факультета: читал спецкурсы о декабристском движении, по истории русского театра, студенты на его занятиях забывали о времени. Эпштейн активно занимался наукой. Незадолго до конкурса вышла в свет его книга (в соавторстве с В. В. Пименовым) «Русские исследователи Карелии (XVIII в.)». Подоплекой «черных шаров» явился конфликт с деканом, задействована была и «пятая графа»⁴⁷. Известный историк вынужден был униженно ходить по кабинетам в поисках работы. В том же году «прокатили» на конкурсе и Виктора Михайловича Морозова, приехавшего в только что освобожденный от финнов Петрозаводск после аспирантуры фил-

фака Ленинградского университета, успешно читавшего курс русской литературы XIX века, несколько лет руководившего факультетом [2: 33].

В воспоминаниях показано, что большую роль в решении кадровых вопросов играла партийная организация. К концу 1970-х годов заметно усилился ее контроль над составом преподавательского корпуса. В 1977 году на факультетском партсобрании разбиралось «персональное дело» доцента кафедры всеобщей истории Ирины Николаевны Матвеевой. Ее обвинили в связи с диссидентами: по их просьбе она отправила в зону посылку с книгами (причем не с запретным самиздатом, а официально изданными). На собрании одни преподаватели вдохновенно обличали коллегу, а другие молчали. Мемуарист объясняет такое поведение опасениями привлечь к себе внимание КГБ, карьерными соображениями, приспособленчеством. Подавляющее большинство проголосовало за исключение из партии, что автоматически вело к увольнению преподавателя с работы. Опасность «деяния» Матвеевой усилило то, что она «была кумиром студентов, хороводом ходивших вокруг нее», поэтому на собрание пригласили ее учеников. Большинство из них «буквально так и говорили: дескать, до сегодняшнего дня любили, а теперь не любим и не уважаем». Знаю, что такие педагогические ситуации встречались во все времена, и еще в древних китайских мифах был предложен выход: учителю следует простить учеников. И все же смоделированные эксцессы такого рода разрушительны для позитивных коммуникаций. Лупанова вспоминает горькие слова коллеги после этого собрания: «Если когда-нибудь мне еще придется работать в вузе, ни один студент не переступит порога моего дома»⁴⁸.

В 1978–1979 годах под предлогом «омоложения кадров» была предпринята очередная попытка удалить из университета нескольких профессоров и доцентов. Ученицу Лупановой Елену Моисеевну Гин администрация вуза отказалась утвердить в качестве соискателя при кафедре, сославшись на формальности, а в действительности из-за «пятой графы». В сложившихся обстоятельствах Лупанова открыто встала на защиту своей ученицы и коллег. Арбитром в конфликтах по правилам той эпохи выступал обком партии. Лупанова написала письмо первому секретарю Карельского обкома КПСС И. И. Сенькину. В письме был сделан акцент на недопустимое отношение в вузе к опытным педагогическим кадрам без ссылки на национальную принадлежность. Письмо передали в партком университета.

На заседании парткома письмо единодушно признали акцией недопустимой и обвинили автора в склочничестве. Тогда Лупанова подала заявление об уходе с работы. Поскольку профессоров в университете было немного, разразился скандал. Ректор, секретарь парткома, Лупанова были вызваны на беседу в обком, где Лупанова вновь, как она пишет, «на полную катушку» сказала все, что думала об обстановке в университете. В итоге «от лица обкома» ее просили забрать заявление. Партком единодушно отменил свои решения про «склочничество». Ушел в отставку проректор. «К сожалению, моя “победа” не повлекла за собой каких-то серьезных изменений в университетской “политике”»⁴⁹. Отработав до конца учебного года, профессор Лупанова в возрасте 58 лет, на пике творческой активности ушла из университета. В конце 1970-х годов значительная часть университетских преподавателей исходила из того, что компромиссы неизбежны. Жаль, что коллега или ученик вынужден терпеть вопиющую несправедливость, но что я могу изменить? Полагаю, что позицию Лупановой в этой конфликтной ситуации определили уроки, полученные в Ленинградском университете 30 лет назад. Пережив «грозу 1949 года», Лупанова понимала, что компромиссы бесследно не проходят: «Это свое трусливое молчание я не забуду, кажется, до самой своей кончины»⁵⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книге И. П. Лупановой подчеркнута решающая роль в университете взаимодействия учителя и ученика. Известные фольклористы М. К. Азадовский и В. Я. Пропп предстают перед читателем прежде всего как талантливые педагоги. Мемуарист высоко оценивает их суровую требовательность и отеческую заботу в отношении к студентам, в умении сочетать эти качества видит основу педагогического иску-

ства. Считаю, что время не поколебало правильность изложенного Лупановой подхода. Ослабление требовательности вследствие необходимости выполнять плановые показатели или перегруженности учебными поручениями ведет к падению профессионального уровня выпускников. Недостаток доверительных, гуманных отношений в университетской среде влечет за собой слабую солидарность, высокую агрессивность в обществе, куда ежегодно вливаются универсанты. Лупанова отмечает важность совместной творческой работы для развития критического мышления, готовности отстаивать свои взгляды и уважать позицию оппонента. Разбирая причины конфликтных ситуаций, автор отмечает факторы, связанные как с личными особенностями коммуникаторов (зависть, нетерпимость, несдержанность), так и с социальными отношениями (карьеризм, приспособленчество, бюрократизм). Отмечена важная экспертная и организационная роль коллегиальных структур – собраний членов кафедры, Совета факультета. В воспоминаниях показано, что кампания «борьбы с космополитизмом» тяжело сказалась не только на судьбах гонимых, но и на жизни их учеников, терзавшихся от бессилия и вины. Осмысление случившегося постепенно формировало у автора книги неприятие репрессивных методов, внутреннюю независимость от мнения большинства. Лупанова показывает, что в брежневское время кадровая политика в университете находилась под жестким контролем правящей партии, действовавшей через администрацию и партийную организацию вуза. Формой давления на сотрудников могли выступать процедура конкурса, решения партийных собраний. В этих условиях часть вузовских работников допускала компромиссы, желая сохранить возможность профессиональной самореализации, но были и те, кто считал такие компромиссы неприемлемыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лупанова И. П. Учитель // Воспоминания об М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 122–128.
- ² Лупанова И. П. Учитель и друг // Лицей. 1995. № 4. С. 14.
- ³ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 5.
- ⁴ Лупанова И. П. Из воспоминаний // Проблемы детской литературы и фольклор. Петрозаводск, 2001. С. 7–19.
- ⁵ Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 3727. Оп. 3. Д. 4. Л. 46.
- ⁶ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 5. Л. 98.
- ⁷ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 122.
- ⁸ Там же. С. 118.
- ⁹ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 8. Л. 14.
- ¹⁰ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 116.
- ¹¹ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 8. Л. 10.
- ¹² Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 132.
- ¹³ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 8. Л. 8.
- ¹⁴ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 136.

- ¹⁵ Там же. С. 161.
¹⁶ Там же. С. 162.
¹⁷ Там же. С. 301.
¹⁸ Там же. С. 177.
¹⁹ Там же. С. 176.
²⁰ Там же. С. 177.
²¹ Там же.
²² Там же. С. 179.
²³ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 5. Л. 60.
²⁴ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 136.
²⁵ Там же. С. 171.
²⁶ Там же. С. 179–180.
²⁷ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 41. Л. 1.
²⁸ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 117.
²⁹ Там же. С. 231.
³⁰ Там же. С. 236.
³¹ Там же. С. 238–239.
³² Колесова Л. Н. Устное выступление перед студентами-историками Петрозаводского университета 19 февраля 2015 года (запись автора статьи).
³³ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 150/1570. Л. 54.
³⁴ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 25. Л. 1.
³⁵ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 25. Л. 4.
³⁶ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 25. Л. 8.
³⁷ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 4.
³⁸ НАРК. Ф. 3727. Оп. 3. Д. 4. Л. 65.
³⁹ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 182.
⁴⁰ Там же. С. 187.
⁴¹ Там же. С. 255.
⁴² НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 29/392. Л. 58.
⁴³ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 41/566. Л. 6.
⁴⁴ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 197.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ НАРК. Ф. 1178. Оп. 2. Д. 150/1570. Л. 43–55.
⁴⁷ Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». С. 194.
⁴⁸ Там же. С. 268.
⁴⁹ Там же. С. 277–278.
⁵⁰ Там же. С. 179.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарев В. П., Бойченко О. В. Структура и функционирование научного коллектива (коммуникативный аспект) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 80–97.
2. Гин И. Читая и перечитывая. Петрозаводск: Версо, 2020. 204 с.
3. Колесова Л. Н., Неёлов Е. М. Традиции школы профессора И. П. Лупановой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 5 (110). С. 55–57.
4. Лойтер С. М. От Пудожа до Парижа: избранное. Петрозаводск: Версо, 2020. 199 с.
5. Лойтер С., Ровенко Н. Научный семинар «К 100-летию со дня рождения Ирины Петровны Лупановой (Петрозаводск, 26 октября 2021 г.) // Детские чтения. 2021. № 2. С. 338–343. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-338-343
6. Маркова Е. Живут на свете благородные люди... // Север. 2001. № 4–5–6. С. 146–147.
7. Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Флинта: Наука, 2002. 422 с.
8. Филимончик С. Н. Питание городского населения Карелии в условиях «социалистического штурма» начала 1930-х гг. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность. СПб., 2021. С. 322–327.
9. Филимончик С. Н. Жизнь университета в 1940–1970-е годы глазами профессора И. П. Лупановой // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2021. № 9–2. С. 122–131.
10. Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939). Петрозаводск, 2013. 150 с.
11. Чуковская Л. К., Оксман Ю. Г. «Так как вольность от нас не зависит, то остается покой...» Из переписки (1948–1970) // Знамя. 2009. № 6. С. 134–176.

Поступила в редакцию 01.02.2022; принята к публикации 29.04.2022

Original article

Svetlana N. Filimonchik, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
syrsa@yandex.ru

RUSSIAN UNIVERSITY OF THE MID-TWENTIETH CENTURY
AS A COMMUNICATION SPACE IN IRINA LUPANOVA'S BOOK
THE PAST IS PASSING BEFORE ME

Abstract. The university develops in the flow of social interactions, and its success is closely related to its corporate communicative culture. Philologist I. P. Lupanova (1921–2003), one of the most respected professors at Petrozavodsk State University from the 1950s to the 1970s, discussed various communication practices among the university staff in her autobiographical book written during the last years of her life. The book included her memoirs, a diary, and excerpts from letters, all of which contributed to the disclosure of the author's individual vision and the changing angle of problems' analysis. This article presents an analysis of the material in Lupanova's book related to the communication patterns within the university. When approaching the book, this article uses the critical historical method, the problem-based method, and the hermeneutic approach. Lupanova's book emphasizes the crucial role of teacher-student interaction within the university. Famous scientists M. K. Azadovsky and V. Ya. Propp, who were Lupanova's supervisors at Leningrad State University, are shown in the book, above all, as talented teachers. The memoirist highly appreciates their severe exactingness and paternal care over their students. Lupanova views the ability to combine these qualities as the basis for pedagogical art. While working at Petrozavodsk University, she strove to follow the pedagogical principles of her teachers. The memoirs demonstrate that the "anti-cosmopolitan campaign" had a heavy impact not only on the fates of the persecuted teachers, but also on the lives of their students tormented by impotence and guilt. Through comprehending these events, Lupanova came to reject repressive methods and formed her inner independence. Lupanova outlined the possibilities of the university's collegiate bodies for providing support and ensuring the professional growth of teachers from the 1950s to the 1970s. She showed that in the Brezhnev era the personnel policy at the university remained under the strict control of the ruling party. Dissent and unwanted contacts were suppressed through the administration and party organizations of the faculties, and the socio-demographic composition of the employees was monitored.

Keywords: communication, Faculty of Philology at Leningrad University, Faculty of History and Philology at Petrozavodsk University, Chair of Literature, dissertation defense, M. K. Azadovsky, V. Ya. Propp, E. M. Neelov

For citation: Filimonchik, S. N. Russian university of the mid-twentieth century as a communication space in Irina Lupanova's book *The Past is Passing before Me*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(5):54–63. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.788

REFERENCES

1. Bondarev, V. P., Boychenko, O. V. Structure and function of scientific personnel (the communicative aspect). *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2011;1:80–97. (In Russ.)
2. Gin, I. Reading and rereading. Petrozavodsk, 2020. 204 p. (In Russ.)
3. Kolesova, L. N., Neelov, E. M. Traditions of the academic school of Professor I. P. Lupanova. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2010;5(110):55–57. (In Russ.)
4. Loiter, S. M. From Pudozh to Paris: selected works. Petrozavodsk, 2020. 199 p. (In Russ.)
5. Loiter, S., Rovenko, N. Academic seminar commemorating the 100th anniversary of Irina Petrovna Lupanova. (Petrozavodsk, October 26, 2021). *Children's Readings*. 2021;2:338–343. DOI: 10.31860/2304-5817-2021-2-20-338-343 (In Russ.)
6. Markova, E. There are noble people living in this world... *Sever*. 2001;4–5–6:146–147. (In Russ.)
7. Nikolina, N. A. Poetics of Russian autobiographical prose. Moscow, 2002. 422 p. (In Russ.)
8. Filimonchik, S. N. Nutrition of the urban population of Karelia during the "socialist assault" of the early 1930s. "Challenge" in the everyday life of Russian population: history and modernity. St. Petersburg, 2021. P. 322–327. (In Russ.)
9. Filimonchik, S. N. University life from the 1940s to the 1970s through the eyes of Professor I. P. Lupanova. *XX century and Russia: society, reforms, revolutions*. 2021;9–2:122–131. (In Russ.)
10. Filimonchik, S. N. Education and enlightenment in Soviet Karelia (1918–1939). Petrozavodsk, 2013. 150 p. (In Russ.)
11. Chukovskaya, L. K., Oksman, Yu. G. "Since liberty does not depend on us, peace remains..." Extracts from correspondence (1948–1970). *Znamya*. 2009;6:134–176. (In Russ.)

Received: 1 February, 2022; accepted: 29 April, 2022